

Эльза-Баир Гучинова

Помнить нельзя забыть

Антропология депортационной травмы калмыков

С предисловием Кэролайн Хамфри

Обложка: [Калмыки в ссылке](#). Мама с дочкой.

Эльза-Баир Гучинова

ПОМНИТЬ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

Антропология депортационной травмы калмыков

С предисловием Кэролайн Хамфри

El'za-Bair Guchinova

ПОМНИТ' НЕЛ'ЗИА ЗАБУТ'

Antropologija deportatsionnoi travmy kalmykov

S predisloviem Caroline Humphrey

ibidem-Verlag
Stuttgart

Bibliografische Information Der Deutschen Bibliothek

Die Deutsche Bibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <<http://dnb.ddb.de>> abrufbar.

∞

ISBN: 978-3-8382-5506-4

© *ibidem*-Verlag
Stuttgart 2005
Alle Rechte vorbehalten

Das Werk einschließlich aller seiner Teile ist urheberrechtlich geschützt. Jede Verwertung außerhalb der engen Grenzen des Urheberrechtsgesetzes ist ohne Zustimmung des Verlages unzulässig und strafbar. Dies gilt insbesondere für Vervielfältigungen, Übersetzungen, Mikroverfilmungen und elektronische Speicherformen sowie die Einspeicherung und Verarbeitung in elektronischen Systemen.

Памяти Эзы Каляевой и Надии Александровой

СОДЕРЖАНИЕ

Abstract in English	9
Список фотографий	11
Список сокращений	13
Foreword <i>Caroline Humphrey</i>	15
Введение	21
1 Выселение народа	35
1.1 Коллаборационизм и дискурс вины	35
1.2 День выселения	65
1.3 Дорога	84
1.4 Широκлаг	95
2 Стратегии и тактики выживания	107
2.1 Миф о людоедах	108
2.2 Жилище	112
2.3 Пища	117
2.4 Занятия	123
2.5 Комендатура	135

2.6	Школа	141
2.7	Вуз	148
2.8	Стратегии и тактики выживания	153
2.9	Встреча с родиной	170
3	Депортация 1943 г. в коллективной памяти и идентичности	195
3.1	Без / Гласность и тема депортации	195
3.2	Устный и письменный тексты	209
3.3	«За что?»	231
3.4	Стигматизованная этничность	246
3.5	Поезда Памяти	257
3.6	Память в третьем поколении	263
	Заключение	271
	Библиография	277

ABSTRACT IN ENGLISH

Elza-Bair Guchinova

Memories of the Forgotten

Anthropology of the Deportation Trauma of the Kalmyks

This study deals with the anthropology of the deportation trauma as experienced by the Kalmyks (1943-1956) and how it affects national identification. It shows the stigmatisation of Kalmyk identity in the years of deportation and response of the ethnic group to deprivation. The ever changing discourse of the Kalmyk issue, and political use of the trauma also receive attention.

The study is innovative in Russian anthropology as it is the first anthropological study of the Kalmyk deportation as well as of the consequences of the trauma, and as it provides comparative insight by making use of similar experience of deprivation of other ethnic groups. The monograph contains a valuable corpus of sources, especially oral, including analyses of folk songs and oral narratives. The novelty of the study also lies in that it applies gender methodology to the analysis of adaptation of men and women to extreme conditions of life and considers gender-specific differences in mechanisms of memory, recollection and oral narration. The monograph closes a gap in the study of collective and individual strategies of survival in conditions of deportation in Siberia and Central Asia. It demonstrates the existence of stigmatised ethnicity in the USSR.

Among the conclusions the author arrives are that the Buddhist tradition played an important role in the way historic trauma was perceived by the Kalmyks, and that there was a factor of phenotypic difference leading Kalmyks in extreme conditions to strive to “dissolve” in the social environment using every chance to prove loyalty to the state. This left little chance for specific Kalmyk cultural features to resurge outside the home sphere. There is evidence that the trauma is something most Kalmyks have overcome. Its still deliberate accentuation appears to be pragmatically aimed into the future.

СПИСОК ФОТОГРАФИЙ

1. Семья Есиновых до выселения. Калмыкия. 1940. 180
2. Клара Сельвина среди одноклассников. Начальная Назаровская школа. Красноярский край. 1946 г. 181
3. Семья Джугниновых. Новосибирск . 1947 г. 182
4. Сима Польшеева с подругой. Новосибирск. 1947 г. 183
5. Бамба и Ирина Есиновы. Новосибирская область, пос. Золотая Горка. 1951 г. 184
6. Анна Ильцхаева, старшина 2 статьи речного флота, с сослуживицами. Ханты-Мансийск. 1954 г. 185
7. Додик Сельвин с друзьями. Семипалатинск. 1955 г. 186
8. Семья Есиновых и семья Джугниновых. 1956 г. 187
9. Калмык. Село Верхний Ануйск. 1955 г. 188
10. Марта Кулькова среди второкурсников новосибирского сельхозинститута 1956 г. 189
11. Марта Кулькова с калмыцкими подругами. Новосибирск. 1956 г. 190
12. Калмыки в ссылке. Село Соколово, Алтайский край. 1957. 191
13. Калмыки в ссылке. Застолье. Возможно, отмечают Указ о снятии ограничений с калмыков-спецпереселенцев 192
14. Студенты-калмыки на фоне театра оперы и балета. Новосибирск. 1956 г. 193
15. Исход и возвращение. Скульптор Эрнст Неизвестный. Элиста. 1996 г. 194

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ГУЛАГ – Главное управление лагерей
ГЭС – Гидроэлектростанция
ИК – Известия Калмыкии
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии Российской Академии Наук
КАССР – Калмыцкая Автономная Советская Социалистическая Республика
КГБ – Комитет государственной безопасности
КГУ – Калмыцкий государственный университет
ККК – Калмыцкий кавалерийский корпус
ККИ – Калмыцкое книжное издательство
КНК – Калмыцкий национальный комитет
КК – Комсомолец Калмыкии
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
МТС – Машинно-тракторная станция
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
Нэп – Новая экономическая политика
ОККД – Отдельная калмыцкая кавалерийская дивизия
ОСП – Отдел спецпереселенцев
ПГС – Проектно-гражданское строительство
ПМА – Полевые материалы автора
ППТП – Проект «Память в третьем поколении»
ППШ – Пистолет-пулемет Шпагина
РК – Республика Калмыкия
РОА – Российская освободительная армия
РСДП – Российская социал-демократическая партия
СКЖД – Северо-Кавказская железная дорога

- СМИ – Средства массовой информации
СНК – Совет Народных комиссаров
СК – Советская Калмыкия
СР – Советская Россия
УМВД – Управление министерства внутренних дел
УФСБ – Управление Федеральной службы безопасности
ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков

FOREWORD

It is well known that the entire Kalmyk people was deported to Siberia and Kazakhstan during the Second World War. Large numbers of people perished in the harshest of conditions, and the survivors were only able to return to their homeland in 1956. Yet until the appearance of this book, no adequate account of this tragic episode has been published. And this is not just an ‘account’ – it provides a wide-ranging and thoughtful anthropological analysis, not just of the events but also of how we can understand the sharply varied attitudes that Kalmyks have subsequently taken to this rupture in their history.

This is a uniquely important book from several different points of view. Firstly, it is the first full study of the deportation by a Kalmyk author and it thus contains insights that simply could not be attained by a writer from outside the Kalmyk culture. Secondly, this book concerns a matter of great political sensitivity to the present day, the relation between the Kalmyks and the federal state of Russia, and thus it addresses issues that are rarely tackled by native anthropologists. And thirdly, this book is a notable contribution to the discipline of socio-cultural anthropology, in particular to the field of trauma, memory and forgetting. Guchinova’s study is at once brave, balanced and eloquent, and it deserves to be read by very widely indeed.

One major achievement of this book concerns the questions raised by historical documentation – a theme that is by no means simple, given the confusing statistical evidence, the contradictory attitudes and continuing silence on this subject. What is made evident is that even the apparently most empirical data, for example the numbers of people involved, is subject to the situated positions taken by those providing data. Some Kalmyks joined the ‘Korpus’ that fought against the Soviets, some Kalmyks emigrated with the Germans, many more Kalmyks fought with the Red Army, and yet all of these seemingly transparent numbers of people are shrouded in the colourings of expediency

and offended memory, so that even the most basic categories are questionable. What does 'anti-Soviet sabotage' mean, for example, when many people at the time were faced with either stealing cattle or starvation for their families? And what is 'collaboration' when a village, depleted of men of fighting age, is invaded by a massively armed regiment of Nazis? What is the meaning of the vow of loyalty taken by soldiers conscripted into the army of an oppressive regime? Guchinova does not shrink from asking these agonising questions, despite the fact that she was many times asked to desist by elders who preferred to draw a curtain over events they still see as shameful to the history of their people. Guchinova persisted in trying to trace the diverse trails that led from the episode of the 'Korpus'. She shows how one of its leaders, now living in America, justifies his actions in a long account, which as she rightly observes has become something of an 'official legend' through frequent retelling. She describes how attitudes to collaboration have changed over time among the Kalmyks of Russia, and how those distant events have continued to reverberate in inter-ethnic relations throughout Soviet times into the present. The last trial of a Kalmyk for collaboration was in 1989, but even in the 1960s the risk that such highly-public trials would give rise to violence against the entire Kalmyk people was understood by the KGB. Kalmyk operatives of the KGB sought out and deliberately put Russians on trial at the same time, to demonstrate that collaboration was an international phenomenon. Into this highly charged arena of blame and accusations of bad faith was mixed the still salient issue of return of land lost by the Kalmyks during exile. The charge that harmful false rumours ('the Kalmyks are cannibals') had been deliberately spread about them among the Siberians in order to make their exile all the more isolated and punitive is not forgotten even today. What Guchinova's book succeeds in showing so remarkably is how the concerns of succeeding generations have inflected what they feel able to say about the past. It is not surprising that the main strategy was, and to a large extent still remains, silence.

Yet the 'silence' has never been absolute, and it is in this aspect of the book that Guchinova makes her most interesting contribution to anthropology. She raises, for example, the issue of 'bodily memory.' This persists in traces that people find difficult to put into words, such as the shocks to the physical sys-

tem of the beast-like conditions of the cattle-wagons during the journey, the gradual adaptation to unfamiliar 'crisis foods' in Siberia, and the startled senses of those returning to the homeland with its dryness, heat and glaring light. Guchinova also asks whether there was something culturally Kalmyk about the ways loss was experienced and expressed. It seems that the nomadic herding tradition, the 'nomadic' aspect of which had long since been abandoned, did not make the journeys of exile any the easier, but nevertheless people euphemistically called the deportation in Russian *perekochevka* (nomadic move). People who had lived surrounded by their livestock felt terrible anxiety on abandoning the animals they had cared for. In exile, many had to overcome specific cultural prohibitions, such as the taboo on eating carrion meat. One Kalmyk tradition, that of song, afforded the beginning of a return to being able to express feelings. Yet Guchinova records how even here certain ideas were not sayable in Kalmyk, but only in Russian. So a 'Kalmyk song' might include the 'language of repression', where words such as 'cattle-wagon', 'order', or 'Soviets' would occur in Russian, while the words for emotions (pain, fear, insult) would be in Kalmyk. In analysing later oral reminiscences Guchinova notes the prevalence of subjectless verbal forms and passive grammatical constructions, both of which are characteristic of languages of the Mongolian group but also were used in this case to emphasise the tellers' feeling that the experience was one of collective repression. In another section Guchinova contrasts memory with written history, and she notes the tone of momentous tragedy assumed by the latter. Memories, on the other hand, are frequently interwoven with humour and irony.

Besides its attentiveness to language, another important contribution of the book is its concern with gender, kinship and Kalmyk social structures. And further significant chapters deal with the deportees' efforts to survive and furthermore to prove themselves worthy citizens by hard work and striving for education. The general goal of the Kalmyks in deportation – despite the fact that they were subjects of a maniacally harsh retribution – was to override discrimination and integrate themselves fully into Soviet society. That this attitude is a puzzle (at least to outsiders) is alluded to by Guchinova in her delicate handling of comparisons with other deported peoples, who reacted differently. The results of integration for Kalmyk culture were marked – a turn to

the Russian language, a new and more diversified range of economic occupations, the wiping-out of previous localised clan organisation, and the loss of Buddhist religious traditions (though the latter have been revived in new forms recently). The wider question of how this adaptation compares with the fate of other small nations will only become apparent when further studies of equivalent range and depth to this one have been carried out.

In the final part of her book Guchinova discusses the overcoming of collective trauma and the reactions of today's youth, the third generation after those deported. In the 1990s a remarkable endeavour sought to come to terms with the past by sending 'Memory Trains' from Kalmykia to the various sites of exile. The first train set off in 1993 with 324 passengers to visit again the places "where my people, unfortunately, had been" – Tyumen, Omsk, Barnaul, Tomsk, Krasnoyarsk and Novosibirsk. Four ensembles of singers and dancers were among the passengers, most of whom were people who had been born and grown up in Siberia. They were greeted at each station by local officials with the traditional Russian offering of bread and salt. On the side of the passenger cars was a large placard: "Kalmykia – with thanks to Siberians." Indeed, this was the theme that was to dominate this act of repetition and recuperation. Recognising places of youthful trials, joys and adventures, the passengers now conceptualised Siberia as their 'second home' and gratefully acknowledged the kindness of ordinary Siberians in helping them to survive. Assessing the fact that the President of the Republic took part, that memorials to victims were set up in Siberia, and that the Memory Trains became integrated into Kalmyk public life, Guchinova asks why this act was so necessary for the ordinary Kalmyk people and their leaders. Is it not, she responds, because memory is not just the vessel of the text of collective memory but also, primarily, the editor of this text? The revised edition of the story of the 'echelons of injustice' channelled thoughts into a safe and humane current, creating a variant that was acceptable both to the officials and the people. Guchinova analyses this reaction not as expediency but as a reflection of an underlying Buddhist ethic of self-healing.

It is impossible to cover adequately all the riches of this book. But I hope I have conveyed enough of its remarkable achievements to whet the appetite

of numerous readers. Anthropology certainly needs studies that address honestly and bravely the important issues of our times; and the punished peoples of the USSR deserve for their stories to be unfolded by thoughtful and sensitive members of their own communities, as in this case.

Caroline Humphrey
Professor of Asian Anthropology
University of Cambridge (King's College)

ВВЕДЕНИЕ

Калмыки – монголоязычный народ, проживающий с начала XVII в. в границах Российской империи / СССР / Российской Федерации. Его численность варьирует с 200 тыс. в 1898 г. до 174 тыс. в 2003 г. Историко-культурный облик общности сформировался на современной территории западной части Республики Монголия и северо-западных областей Китая (Джунгария). Известные из ранних исторических источников («Тайная история монголов», «Сборник летописей» Рашид-ад-дина и др.) как *ойраты*, представители этой этнической группы получили в России новый этноним *хальме* – *калмыки*, с самоназванием *улан залата хальмгуд* – *краснокистные калмыки*. Прикочевав в пределы России первоначально на территорию Сибири, калмыки к середине XVIII в. обосновались в междуречье Волги и Урала, а позже большая их часть переселилась на земли в низовьях Волги и Прикаспия, которые стали называться Калмыцкая степь. С тех пор для всего монголоязычного мира калмыки стали *ижлин хальмгуд* – *волжскими калмыками*, или *арасян хальмгуд* – *российскими калмыками*.

В соответствии с административным делением Российской империи Калмыцкая степь входила в состав Астраханской и Ставропольской губерний; на этой территории проживали группы калмыков, известные как *торгуты*, *дербеты*, *хошеуты* и *донские калмыки* (бузава), населявшие Калмыцкий район Великого Войска Донского. *Терские*, *кумские* и *оренбургские* калмыки были переселены из прежних мест своего проживания в Калмыцкую степь уже в начале 1920-х гг. Традиционное калмыцкое хозяйство было основано на экстенсивном скотоводстве и связанном с ним кочевом образе жизни. Согласно двусторонним договоренностям, принятым при вхождении в состав Российской империи в первой половине XVII в., Калмыцкое ханство было самостоятельным в хозяйственной, религиозной и судебной сферах, но имело обязательство координировать с царской администрацией свою внешнюю политику. Однако колониальная политика царизма, активно осуществлявшаяся в Калмыц-

кой степи, в частности принудительная христианизация населения, активная колонизация территорий, вызывала недовольство калмыцкой аристократии, нередко выражавшееся в откочевках феодалов со своими подданными на прежние территории – в Джунгарию. Самая крупная из таких откочеек, когда хан Убуши увел с собой три четверти населения, произошла в 1771 г. послужила поводом к ликвидации Калмыцкого ханства в составе Российского государства. Исход 1771 г. остался в народной памяти и в историко-литературных памятниках как первая в России катастрофа национального масштаба: вместе с большей частью народа покинула пределы Калмыцкой степи ее социальная и культурная элита – аристократия (включая ханский род). После этой откочевки в наказание калмыцкому народу была ликвидирована его государственность – было упразднено Калмыцкое ханство, ликвидированы титул хана и наместника ханства, управление калмыцкими делами перешло к особой Экспедиции калмыцких дел, учрежденной при канцелярии астраханского губернатора¹. Калмыцкая степь стала типичной колониальной окраиной Российской империи. Такой политико-административный статус сохранялся практически вплоть до Октябрьской революции.

После установления в 1920 г. Советской власти в Калмыцкой степи была создана Автономная область калмыцкого народа, с 1936 г. – Калмыцкая Автономная Республика. Последняя была ликвидирована в 1943 г. и восстановлена в 1957 г. сначала как автономная область в составе Ставропольского края, которая вскоре, с 1958 г., получила статус автономной республики и стала называться Калмыцкой АССР. Так называемая политика коренизации – политика привлечения в органы управления республики представителей коренного населения и усилия советской власти в «ликвидации исторической отсталости ранее угнетенных народов» существенно изменили этнокультурный облик калмыков. Переход с мобильного на стационарный тип ведения хозяйства, изменившийся характер поселения и тип жилища, модернизированный рацион питания, языковая русификация, включавшая отмену традиционного алфавита в

¹ См.: Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука. 1967. С.222.

пользу кириллицы, кампания по ликвидации безграмотности, борьба с религией стали чертами социалистического образа жизни².

Исторические перипетии XX в. отразились на калмыках самым драматическим образом. В период гражданской войны в России многие калмыки, особенно из числа калмыцкого казачества, эмигрировали через Турцию в различные страны Европы. В основном это были донские калмыки, служившие в рядах Белой армии и разделившие ее судьбу, их было 3-4 тыс. человек. В Европе калмыки селились в разных странах, преимущественно славянских – Болгарии и Югославии, позже часть их переехала во Францию и Чехословакию. В ответ на активную агитацию Советского государства часть эмигрантов в первой половине 1920-х гг. вернулась в СССР. Практически всех репатриантов на родине ожидали репрессии: ссылки, тюрьмы, некоторых – расстрел.

В период Второй мировой войны был сформирован Калмыцкий кавалерийский корпус, и его сотрудничество с фашистскими оккупантами стало главным официальным аргументом для тотальной депортации калмыцкого народа в конце 1943 г. Ушедшие же с германскими военными властями калмыки примкнули к более многочисленной калмыцкой общине первого исхода.

Депортация для калмыков длилась 13 лет и стала в полном смысле глубокой коллективной травмой, переживаемой народом даже после возвращения из депортации в 1956 г., – в самых разных формах на протяжении трех поколений.

В период политической либерализации и роста этнонационализма среди советских народов, наступивший с перестройкой, у калмыков появились самые разные ожидания и устремления. Часть их была связана с процессом так называемой суверенизации и параллельным осуществлением рыночных реформ в экономике, особенно после провозглашения Республики Калмыкия – *Хальмг Тангч* (1990 г.), ставшей одним из 89 субъектов новой Российской Федерации. Тогда же на мощной эмоционально-политической волне рождается движение за полную реабилитацию народа, особенно активизировавшееся после принятия в апреле 1991 г. закона «О реабилитации репрессированных народов СССР». В

² См.: Очерки истории Калмыцкой АССР; Калмыкия в единой семье народов СССР. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, далее – ККИ. 1989.

это же время стало возможным установление связи с зарубежными калмыками, что повлекло за собой новое осознание этнической общности. Интеллигенция и медиа были вовлечены в процесс нового осмысления истории депортации в общем курсе истории калмыцкого народа, который, однако, не может подменить аналитической академической работы.

Такая работа имеет свою, уже длительную традицию. Изучение истории и этнографии калмыков началось сразу же после появления этого народа в составе Российского государства и преследовало, прежде всего, цели оптимального управления инородческим населением. Этнографические описания калмыков появляются как в общих работах Г.Ф.Миллера, Ф.А.Бюлера, П.С.Палласа, С.Г.Гмелина, И.Лепехина, так и в специальных исследованиях П.Небольсина, И.Житецкого, Н.Нефедьева и др. В советский период изучение истории и культуры калмыцкого народа продолжалось. Однако историческая судьба калмыков в XX в. была такова, что в довоенный период профессиональные этнографы среди калмыков не успели появиться, и понадобилось время, чтобы после депортационных лет выросли кадры ученых, имеющих исследовательский интерес к этнографии. Наиболее полно этнографическое описание калмыцкого народа дается в монографии одного из родоначальников современной калмыцкой этнографии У.Э.Эрдниева «Калмыки»³. С тех пор вышли десятки монографий и сотни статей по разным направлениям этнографической науки⁴. Однако они были посвящены наиболее устоявшимся научным направлениям (этногенетические исследования, проблемы семьи, влияние религии и др.). Таких вопросов, как насильственные перемещения калмыков в XX в., советская научная литература избегала. Тем более оставались за рамками историко-этнографических исследований сложные процессы в сфере этнического самосознания депортированного народа.

В современной исторической науке проблема массовых насильственных перемещений населения, в частности на территории СССР, становится предметом все большего внимания. Эти перемещения, называемые по-разному (массовые переселения, выселение раскулаченных,

³ Эрдниев У.Э. Калмыки. Элиста: ККИ. 1980.

⁴ См.: Ленкова М. История Калмыкии XX века в современной историографии. Элиста: ККИ. 2001.

депортации), объединяет то, что они не были следствием автономно принимаемых индивидуальных решений (А.Ричмонд), а происходили в результате гражданской войны, двух мировых войн, политических репрессий, межэтнических конфликтов. По оценкам некоторых специалистов (Н.Ф.Бугай), только в пределах бывшего СССР около 20 миллионов человек стали жертвами насильственных переселений, примерно 3,5 миллиона из которых были депортированы по этническому признаку. Калмыки стали одним из 14 депортированных народов. Историко-культурный анализ их депортации поможет лучше осмыслить схожие ситуации с другими народами.

Одна из актуальных проблем отечественной истории советского периода, а также истории Второй мировой войны в целом – это проблема коллаборационизма. Военных коллаборантов в составе вермахта из числа советских граждан насчитывалось более одного миллиона (К.Александров), среди них были и калмыки.

Более пяти тысяч человек – военных коллаборантов и гражданского населения покинули республику и страну вслед за отступавшими немецкими войсками зимой 1942-1943 гг. Эти люди составили так называемый Калмыцкий кавалерийский корпус, большая часть которого после пленения в 1945 г. была репатриирована в СССР. Одна из задач исследования – выяснить, какова природа этого явления, каковы социально-политические последствия коллаборационизма для представителей той или иной этнической или социальной группы населения, какие аргументы и переживания сопровождают представителей «наказанных» народов в их последующей истории и как все это оценивать с позиций сегодняшнего дня. Важно отметить, что проблема коллаборационизма дается не с позиций военного историка, а социального антрополога со всеми вытекающими академическими приоритетами.

Поэтому для данного исследования наиболее важной представляется проблема травмы и памяти: переживания, сохранения и трансляции в народной памяти вынужденных переселений, которые по политико-идеологическим и культурным причинам долго замалчивались в официальной истории и часто табуировались в массовом сознании. В принципе речь идет о трансформации коллективной идентичности в контек-

сте коллективной травмы – вопрос, который до сих пор остается мало изученным в российской науке.

Один из аспектов проблемы – разная оценка коллективным сознанием народа драматических событий массовых перемещений. Исторические ситуации, когда «калмык убивал калмыка», оказываются в зоне умолчания или вытеснения. Можно предположить, что причины умолчания были различны. В советское время обращение к этим сюжетам было нежелательным для власти, потому что оба исхода калмыков, как в гражданскую, так и во Вторую мировую войну, были восприняты ею как протест против господствовавшего политического режима. Это было опасным и для ученых, которые понимали, что суждения, не совпадающие с официальными в общественном дискурсе, наказуемы, и всегда знали ту грань, переходить которую им было нельзя.

Эпоха гласности сняла запрет с табу на многие события российской истории. Демократизация общества и падение роли КПСС сделали общественные науки свободными от принципа партийности, который был основным для советской науки. История СССР подлежала деидеологизации и многие ее события были переосмыслены. Пересмотр истории гражданской войны происходил в калмыцком историческом самосознании в целом безболезненно.

Иначе обстояло дело со вторым исходом калмыков в XX в. – в годы Второй мировой войны, связанным с частичной оккупацией Калмыкии немецкими частями и историей Калмыцкого кавалерийского корпуса. Эта часть истории народа все еще табуирована в публичном дискурсе, поскольку коллаборационизм части калмыцкого населения стал поводом к тотальной депортации возмездия 1943 г. Коллективная вина, навязанная советским режимом всему народу, усугубленная не только самим наказанием, но и публичными процессами 1967-1984 гг. над участниками корпуса, еще живо присутствует в сознании народа. Как приватно, так и официально люди предпочитают не говорить о корпусе вслух, во многом из-за самого факта измены родине, который для многих не может быть оправдан или прощен.

Последовавшая в 1943 г. депортация в течение всего советского периода тоже находилась вне публичного обсуждения. В период либерализации общественной жизни эта «тайная история» калмыков стала

широко обсуждаемой и закрепились в этническом самосознании. Представление о депортации как самой массовой трагедии калмыцкого народа прошлого столетия благодаря политическим и журналистским усилиям формулируется как наиболее яркая страница истории народа в XX в. Годы депортации ныне вспоминаются с определенным достоинством и даже с гордостью, в особенности это касается перенесенных страданий и утрат, а также опыта выживания в трудных природно-климатических и социальных условиях. Здесь исследовательская проблема заключается в том, как осмыслить инструменталистское усвоение травмы и преодолеть политизированные оценки коллективных депортаций исключительно как геноцида, а также оценить механизмы и пути сохранения целостности и культурной самобытности группы в экстремальных условиях.

Сравнение опыта переживания травмы калмыками с опытом травмы других по историко-культурным параметрам народов, также имеющих опыт депривации, например, чеченцев в СССР или американцев японского происхождения в США, – тема, ждущая своего исследователя. В данной книге автор ограничивается лишь рядом примеров.

Можно думать, что калмыки, в прошлом кочевой народ, должны были бы легче перенести вынужденное переселение – как очередную перекочевку. Однако к моменту переселения калмыки уже не были кочевниками, а все предыдущие исторические перемещения, связанные с годовым хозяйственным циклом, тщательно планировались во времени и пространстве. Так что вынужденная «перекочевка» не имела ничего общего с предыдущим опытом.

При анализе материалов, связанных с интерпретацией прошлого, автор ориентировался на исследования в области исторической памяти (М.Хальбвакс⁵, П.Вен⁶, П.Рикёр⁷, Я.Ассман⁸, В.А.Шнирельман⁹). Сюжеты,

⁵ Halbwachs Maurice. On Collective Memory. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1992.

⁶ Вен Поль. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир. 2003.

⁷ Рикёр Поль. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы. 2004.

⁸ Ассман Ян. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры. 2004.

⁹ Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига». 2003.

связанные с историей депортации, были осмыслены с учетом научных достижений в исследовании антропологии насилия и истории депортаций, содержащихся в монографиях А.М.Некрича¹⁰, В.А.Тишкова¹¹, Н.Ф.Бугая¹², П.Поляна¹³, В.В.Бочарова¹⁴, В.Б.Убушаева¹⁵, а сюжеты, связанные с коллаборационизмом, – с учетом исследований К.М.Александрова¹⁶, И.А.Гилязова¹⁷. Хочется вновь подчеркнуть, что данная книга написана не об истории депортации и не рассматривает специально правозащитные аспекты проблемы. В первую очередь, это работа об антропологии депортационной травмы калмыков: что и как сохранилось в памяти. В этой связи мне были полезны исследования антропологов, занимавшихся сходными проблемами, – Й.Такезавы¹⁸, М.Поль¹⁹.

У многих народов, особенно переживших авторитарные режимы в прошлом, происходят радикальные переоценки исторических событий. Подобный процесс переосмысления политической истории XX в. прослеживается в исследовании на примере калмыков. Историческая память, особенно связанная с коллективной травмой, становится не просто ресурсом этнической мобилизации, но при ее политическом использовании нередко ведет к эскалации конфликта. Приобретение знания о травме способствует сбалансированному отношению к истории, может послужить моральной терапией и способствует реабилитационному процессу. Изучение истории каждого репрессированного народа и того,

¹⁰ Некрич А.М. Наказанные народы. Нью-Йорк. 1978.

¹¹ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука. 2001.

¹² Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста: Джангар. 1991.

¹³ Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: О.Г.И. – Мемориал. 2001.

¹⁴ Антропология насилия. СПб.: Наука. 2001.

¹⁵ Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение. 1943-1957 гг. Элиста: Саланан. 1991.

¹⁶ Александров К.М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сборник статей и материалов. СПб.: Ювента, 2003.

¹⁷ Гилязов И.А. На другой стороне (Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы второй мировой войны). Казань: Издательство Казанского университета. 1998.

¹⁸ Takezawa Y. Breaking the Silence. Redress and Japanese American Ethnicity. Cornell University Press. 1995.

¹⁹ Поль М. «Неужели эти земли нашей могилой станут?» Чеченцы и ингуши в Казахстане (1944-1957 гг.) // Диаспоры. 2002. № 2.

как она помнится, сохраняется и создается людьми, – есть осмысление перенесенного опыта, необходимое как для данного народа, так и для других сообществ.

Одновременно я стремилась преодолеть другие «недостатки native anthropologist», в которых обычно их/нас упрекают, и не идеализировать свой народ, не романтизировать и не драматизировать его историю. Я понимала, что сама тема коллаборационизма в целом моим землякам покажется нежелательной. Им кажется, что если уж человек захотел поведать миру о своем народе, то должен выбрать «достойную» тему, которой можно гордиться. Зачем же выставлять на всеобщий суд то, о чем трудно говорить даже между «своими», что просто постыдно – измену родине. Старики учили меня уму-разуму: «Кто знает о Корпусе – с теми ничего не поделаешь, но зачем нам (калмыкам) самим делать усилия, чтобы о таких стыдных вещах узнали и те, кто об этом не знает. Другое дело – депортация: это тема, достойная пера. О наших страданиях и потерях должны знать все люди. Но стоит ли в связи с этой темой упоминать об агентуре НКВД среди депортированных, это ведь еще одно пятно на народ?»

Однако я калмычка по происхождению и не хочу скрывать свою историю, как и свои эмоции, которые в любом случае неочевидно проявляются даже при научном обсуждении. Что же теперь, не заниматься родной культурой, сознательно выбирать другие/чужие объекты исследования, отдавая родную культуру в руки других/чужих исследователей, которые будут объективнее, потому что хуже ее знают и менее привязаны к этому сообществу? Кто же будет исследовать в этом случае те проблемы, которые важны для меня лично и для других калмыков именно сейчас?

В конце концов я поняла, что чувствую себя несвободной в своем исследовании, что начинаю опасаться угодить под эту примордиалистскую категорию, очевидно, сконструированную «постколониальными» антропологами для того, чтобы не только предостеречь коллег от ошибок, но и указать ученым из бывших колоний их навсегда провинциальное место в науке, их предел, очерченный географическими границами малой родины. Почему любой заезжий антрополог (traveling anthropologist), часто не понимающий самых простых вещей в чужой культуре, мо-

жет ошибаться сплошь и рядом, но не боится ярлыков? Нередко он пользуется помощью и работами местных коллег, но не считает их равней: ведь постколониальная наука продолжает оставаться западноцентричной, ведь такой ученый представляет европейскую науку с вековыми академическими традициями, а за спиной антрополога своего народа – шаманы и знахари.

В ходе своего исследования я столкнулась с проблемой памяти и забывания на своем личном опыте. В 2001 г. вышла монография Валерия Тишкова «Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны». В ней упоминаюсь и я: «Эльза Гучинова рассказывала мне, что в детстве и ранней молодости вообще ничего не слышала о депортации в Сибирь ни от своих родителей, ни от других людей»²⁰. Прочитав эти строки, я пришла в ужас, мне показалось, что все было не так. Я стала припоминать, когда и при каких обстоятельствах я сообщила В.Тишкову эту информацию. В 1995 г. я получила электронное письмо от Тишкова с просьбой ответить на несколько вопросов по этой проблеме. Я как прилежная ученица ответила немедленно, не дав себе времени хорошенько подумать, мои ответы были первой реакцией на вопросы о депортации, которые задавались мне по этой проблеме впервые. К этому времени я уже семь лет как защитила кандидатскую диссертацию и была как будто вполне зрелым ученым. Однако я была совершенно не готова обсуждать деликатные вопросы семейной истории или истории моего народа с посторонним исследователем, даже с коллегой, которого я безоговорочно уважала. В 1995 г. мне еще не встречались антропологические исследования по этой проблеме, исторические работы о депортации уже появились, но ограничивались публикацией документов НКВД, и персональный опыт репрессированных людей еще не был объектом изучения в России. В этом случае сыграла негативную роль и дистантная форма общения. Если бы общение было лицом к лицу, возможно, моя память отреагировала бы иначе и во мне проснулись бы необходимые воспоминания.

С тех пор я вспомнила многое. Я, как и чеченские респонденты Тишкова моего поколения, и в детстве знала, что моя семья и все кал-

²⁰ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. С.80

мыки какое-то время жили в Сибири. В какие это было годы, почему так случилось – в детстве и юности меня не интересовало. Я знала, что родители преподавали в школе в Новосибирской области, что отцовские ученики обожали его уроки истории и географии. Я знала и многое другое, но это были как бы тексты, которые не подлежали развитию. Как будто родительский тон воспоминаний оставлял их в фиксированном виде, и я не должна была интересоваться бóльшим, потому что, как мне теперь кажется, в родительских повествованиях практически не было вопросов, а были только факты, будничные факты нашей семьи. Имевшие опыт выживания в СССР мои родители, как и многие другие представители того поколения, считали за благо не обсуждать с детьми сущность или частные проявления сталинизма, чтобы не отягощать мысли и судьбы своих детей.

Когда же я сама стала заниматься антропологией депортационной травмы, я смогла понять, как у одного и того же человека память меняется в зависимости от аудитории, от конкретных условий опроса, от мотивации и от общего социального контекста. Теперь, написав несколько статей, работая над книгой и понимая, насколько эта тема важна для меня как исследователя, память моя стала настроенной на эту проблему. Я вспоминаю родительские реплики и реакции на те или иные связанные с депортацией события. Сейчас, когда я знакоюсь с калмыком, я мысленно прикидываю, родился он в Сибири, был вывезен туда ребенком или родился позже, уже на родине. Моя память спала, пока эта тема не стала для меня особенно важной. Тем не менее, на сайтах, где представлена указанная монография Тишкова, я так и осталась «коллегой из Калмыкии, которая о депортации не знала долгое время»²¹.

Мое «не знаю» не было незнанием, а отражало вытесненное знание. То, что произошло со мной, не было только моим уникальным опытом. Подобный процесс «узнавания» своего прошлого и пробуждения памяти стал наблюдаться и у всего народа благодаря тому, что место «Сибири» в самосознании народа, в государственной политике изменилось и депортация стала главным событием для калмыцкого народа в XX в., переместившись с задворков памяти/прошлого в его центр.

²¹ Там же. С.503.

В исследовании использован широкий круг источников. Это опубликованные документы НКВД и КГБ СССР²². Ценный материал по истории и антропологии коллаборационизма содержится в архиве УФСБ по РК, в Элисте. Мне удалось познакомиться только с уголовными делами ныне реабилитированных бывших корпусников, таких всего было двое. Остальные тысячи дел, к сожалению, пока недоступны.

Особую ценность для исследования коллаборационизма имели глубокие интервью с самими бывшими корпусниками и их младшими ровесниками, проживающими ныне в США (штаты Нью-Джерси и Пенсильвания) и в Германии (Мюнхен, Людвигсфельд).

Основной корпус источников – воспоминания самих депортированных и свидетелей тех событий. В первую очередь я анализировала опубликованные мемуары. Они изданы в тематических сборниках воспоминаний «Боль памяти»²³, «Поезд памяти»²⁴, «Мы – из высланных навечно»²⁵, а также печатались на страницах республиканской прессы в рубрике «Письма читателей».

Для изучения ежедневных практик выживания в период депортации, а также для анализа дискурса вины и наказания активно использовалась пресса Республики Калмыкия (РК): газеты «Советская Калмыкия» (СК), «Комсомолец Калмыкии» (КК), «Известия Калмыкии» (ИК).

Глубокие интервью о депортации с людьми, перенесшими ее на личном опыте, существенно продвинули мое понимание стратегии выживания и переживаемой калмыками в те годы стигматизации этничности. Многие интервью я проводила лично (ПМА – полевые материалы автора), часть интервью делегированные, проведены по моему опросному листу Б.Корнусовой, а также старшеклассниками Элистинского лицея под руководством преподавателей истории К.Э.Манцевой и С.И.Шевеновой (они обозначены как ПМА - ДИШ, делегированные интервью школьников). Сотрудничество с преподавателями лицея вдохно-

²² Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста: ККИ. 1991; Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение 1943-1957. Элиста: ККИ.1991; Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Ссылка калмыков: как это было. Сб. документов и материалов. Т.1. Кн.1. Элиста: ККИ. 1993.

²³ Годаев П.О. Боль памяти. Элиста: Джангар. 1999.

²⁴ Панькин А., Папуев В. Дорогой памяти. Элиста: Джангар. 1994.

²⁵ Мы – из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943-1957 гг.). Элиста: Джангар. 2003.

вило меня начать исследовательский проект «Память в третьем поколении» (ППТП), в котором я анализирую тексты сочинений учеников о депортации, собранных С.И.Шевеновой на протяжении 1993-2004 гг.

Бесспорно украсили это издание фотографии из частных архивов семей Есиновых, Кульковых, Сельвиных, Нарановых, Ланцановых, Левгиновых, которым я выражаю свою признательность, и особенно Саналу Сельвину за помощь в подборе фотографий. К сожалению, не все приведенные фотографии атрибутированы. Их современные владельцы зачастую не имеют представления о старых сибирских фотографиях, не знают кто, когда и где изображен, и им не у кого спросить. Это в целом отражает сложившееся отношение к депортации в народной памяти: кто-то помнит хорошо, кто-то фрагментарно, а наследники часто не знают ничего. Под такими не атрибутированными фотографиями я поставила общую подпись «Калмыки в Сибири».

Выражаю благодарность фонду Александра фон Гумбольдта, благодаря стипендии которого я смогла исследовать материалы по проблеме коллаборационизма среди калмыков, частично вошедшие в эту книгу.

Моя искренняя признательность коллегам, которые своими замечаниями и рекомендациями способствовали тому, чтобы мое исследование было более глубоким, а текст – более строгим: В.А.Тишкову (ИЭА РАН), Л.Абрамяну (ИЭА АН Армении), Н.Л.Жуковской (ИЭА РАН), В.Шнирельману (ИЭА РАН), Г.Пюрбееву (ИЯ РАН), В.Санчирову (КИГИ РАН), Б.Корнусовой (КГУ). Особая благодарность – Эле Мачерет, взявшей труд первого прочтения рукописи, что не только сняло множество стилистических шероховатостей, но стало нашим совместным переживанием далеких событий и вновь объединило нас вопреки расстояниям.

Долгие беседы не «у дерева», а за столом в доме Левона и Эды Абрамянов позволили взглянуть на мою работу в более широком историческом контексте – в сравнении с другими травмами и другой памятью, придали мне исследовательскую уверенность. Доброе и требовательное отношение Абрамянов – неоценимая поддержка в моей работе и жизни.

Кэролайн Хэмфри, олицетворяющая для меня высокий академический стандарт современной социальной антропологии, одна из немногих западных ученых, чьи исследовательские интересы тесно связаны с

внутренней Азией, воспитавшая блестящих учеников-монголоведов, при этом имеющая свой опыт жизни в “колхозе им. Карла Маркса”, любезно согласилась написать предисловие к этой книге. Для меня это большая честь.

Я посвящаю эту книгу памяти двух дорогих для меня людей – Эзы Каляевой и Надеи Александровой, утрата которых для всех, кто их знал, невосполнима. Без присутствия в моей жизни Эзы и Надейки была бы другой я, и, следовательно, эта книга.

Моя безграничная благодарность мужу Рубену Мкртчяну, который поощрял мои научные занятия, разделял мои исследовательские тревоги и был самым строгим читателем.